

Северо-восточная граница была суровой и холодной, а условия жизни — даже тяжелее, чем на северо-западе, из-за свирепых ветров и снежных бурь. Лю Хэнчан рос в военном лагере беззаботно, пока ему не исполнилось девять лет. В ту зиму его родители, сопровождая патруль, попали в невиданную по масштабам лавину.

— Генерал Цзоу сжалился над моим сиротством и, опасаясь, что в лагере за мной некому будет присмотреть, отправил меня с верным человеком в поместье Белого Журавля. Глава поместья Лю, узнав о судьбе моих родителей, принял меня с великой добротой и часто сам обучал меня медицине.

— Понятно, — кивнул Лян Шу. — Сейчас мне нужен человек для одного дела. Оно сопряжено с огромной опасностью. Тебя будут поносить друзья и родные, о тебе станут судачить в народе. Тебе предстоит долгая жизнь в тени, в одиночку, под маской, где на каждом шагу придётся лицемерить и хитрить. Малейшая оплошность — и ты погибнешь. Согласен?

— Согласен, — ответил Лю Хэнчан.

Он ответил так быстро и без малейших раздумий, что даже Лю Сюаньань на мгновение замер. Сам же Лю Хэнчан был переполнен чувствами: он крепко сжал кулаки, а на глазах выступили слёзы. Он родился и вырос в военном лагере, и хотя никогда не бывал на поле боя, уже давно считал себя наполовину воином, лелея в душе мечту о служении народу. А Лян Шу для молодёжи Великой Янь, жаждущей защитить родину, был подобен одинокой звезде, что горит в ледяной ночи. Лю Хэнчан не знал, в чём именно будет заключаться его задача, но он страстно желал ухватиться за этот шанс — влить свою горячую кровь в неудержимый поток времени.

— Стоит ступить на эту тропу — обратной дороги не будет, — сказал Лян Шу. — Месяцы, а может, и годы. Подумай как следует.

— Если это послужит на благо Великой Янь и её народа, — твёрдо произнёс Лю Хэнчан, — я готов умереть хоть десять тысяч раз!

Лян Шу смотрел на него, а через мгновение слегка кивнул:

— Хорошо. Благодарю тебя, врач Лю.

Гао Линь увёл Лю Хэнчана, чтобы лично проинструктировать его обо всех деталях. Лю Сюаньань же остался сидеть за каменным столом. Его водный павильон всегда был обителью покоя и праздности, местом, где можно лениво наблюдать, как опадают лепестки цветов. Лишь отец, размахивая посохом, мог нарушить здесь тишину своими гневными криками. Но сейчас в эту тишину ворвались слова, полные стальной решимости и готовности к самопожертвованию. Они прозвучали так весомо, словно были отлиты из металла, и отзвук их ещё гудел у него в голове.

— Опять витаешь в облаках? — спросил Лян Шу.

— Нет, — очнулся Лю Сюаньань.

Лян Шу ткнул его пальцем в висок, явно не веря, — ведь бородатые старцы из его мира бегали куда проворнее воров.

Лю Сюаньань уклонился:

— Каковы ваши дальнейшие планы, Ваше Высочество? Будете тайно следить за А-Чаном, чтобы схватить Фэн Сяоцзиня и его людей, когда те появятся?

— Пожалуй, есть план получше, — ответил Лян Шу. — Пусть проследует в самое логово Учения Белого Благословения. Эту секту рано или поздно нужно искоренить. Леса на юго-западе полны ядовитых испарений, и штурмовать их трудно. Если внутри окажется свой человек, дело пойдёт куда легче.

— Значит, вы не намерены никого приставить к А-Чану для защиты? — переспросил Лю Сюаньань.

— Фэн Сяоцзинь обладает высочайшим мастерством. Я разве что смогу отправить А-Юэ следить издали, но и тот не рискнёт приблизиться, не говоря уже о защите, — ответил Лян Шу. — Всё будет зависеть только от него самого.

— А мастерство Фэн Сяоцзиня в сравнении с вашим?

— Мы равны.

— Равны? — Лю Сюаньань тут же вынес вердикт:

— Тогда вы всё же сильнее. — Ведь между ними была разница в возрасте, да и Фэн Сяоцзинь, судя по всему, шёл какими-то окольными, сомнительными путями, превратившими его в получеловека-полутень, едва живого. Настоящим мастерством это не назовёшь.

Лян Шу усмехнулся:

— Есть ещё кое-что. Ты единственный, кому довелось нащупать пульс Фэн Сяоцзиня. Поэтому тебе нужно объяснить А-Чану, как поддерживать в нём жизнь.

— Ради старого дела семьи Тань?

— Да, — подтвердил Лян Шу. — В тот день в горах он сказал, что не причастен к истреблению семьи Тань. Я разберусь в этом как можно скорее, но для этого он, как человек, ближе всех стоящий к разгадке, должен оставаться в живых.

— Я постараюсь, — сказал Лю Сюаньань. — Но раны Фэн Сяоцзиня и впрямь крайне странные. Гарантировать, что он выживет, я не могу. К тому же между нами будет А-Чан... Может, вам стоит обсудить с моим отцом, чтобы нас обоих — и меня, и А-Чана — выгнали из поместья. Так будет надёжнее.

Лян Шу нахмурился:

— А ведь совсем недавно ты говорил, что на его месте ни за что не согласился бы?

— Тогда речь не шла о необходимости поддерживать жизнь Фэн Сяоцзиня, — возразил Лю Сюаньань. — Значит, мне и ехать не нужно было бы, А-Чан один справился бы с ролью приманки. Но раз вы ставите такую задачу, а я не уверен, что А-Чан с ней справится, придётся ехать самому. Разве это не логично?

Лян Шу рассмеялся, хотя в смеше этом слышалось раздражение:

— Эти двое жаждут твоей смерти. Даже горные тропы на юго-западе извилисты и круты, будто ведущие в демонское логово. А уж тяготы жизни под прикрытием и вовсе не сравнить ни с чем,

это путь на грани гибели. Ты же и двух шагов лишних не сделаешь, не обняв дерево, сил у тебя — курицу не зарубить. Возможно, ты даже не доберёшься живым до юго-запада.

Лю Сюаньань подумал: «Ох, как же это всё сложно и утомительно». Но, похоже, другого выхода не было. — Понял, — сказал он. — Ладно.

«...»

Лян Шу почувствовал, что давно никто так искусно не задевал его за живое, да ещё делал это абсолютно неосознанно. А тот, кто это сделал, даже не подозревал о содеянном, лишь искренне хмурил брови, словно кот, который только что оцарапал тебя, а теперь пришёл мурлыкать и выпрашивать еду. Или даже хуже кота — тот хотя бы понимает, когда нужно бежать от опасности, а не пребывать в своей философии «жизнь и смерть суть одно» и сонно тянуться навстречу лезвию меча. Лян Шу даже начал подозревать, что если оставить его здесь, то в следующий раз, когда он вернётся, Лю Сюаньань и впрямь вознесётся и станет бессмертным.

Лю Сюаньань зевнул. Ему хотелось спать.

— Тебе не нужно ехать на юго-запад, — сказал Лян Шу. — Поедешь со мной в Королевский город.

— Зачем? — спросил Лю Сюаньань.

— Чтобы раз и навсегда вылечить твою головную боль.

Звучало разумно. В последние дни голова у Лю Сюаньаня не болела лишь потому, что князь Сяо постоянно подкидывал ему новые занятия, загружал делами, не оставляя времени на раздумья, а значит — и на открытие того запечатанного мира в его сознании. Но что будет, когда водный павильон вновь погрузится в привычную тишину?

Конечно, Лю Сюаньань мог бы и дальше занимать себя — по воле отца: переписывать книги, принимать пациентов, сортировать травы. Оставаться вечно занятым было бы несложно. Но тогда он, вероятно, надолго лишился бы общества князя Сяо, ведь тот был не только его другом, но и полководцем, князем, у которого хватало своих забот.

— Не хочешь? — спросил Лян Шу.

— Подумаю, — ответил Лю Сюаньань.

— А когда речь зашла о том, чтобы лезть на рожон, думать не стал.

Лю Сюаньань пробормотал, что это совсем другое дело, но объяснять было лень.

Лян Шу продолжил:

— Я найму для тебя просторную карету. Лежи сколько влезет, поел — и снова лежи.

Лю Сюаньань кивнул:

— Ладно.

Услышав это бездумное «ладно», князь Сяо почувствовал лёгкое укол в самолюбие. Но он не стал размышлять о том, что для Лю Сюаньаня весомее — его приглашение или же обещание

удобной кареты. Нечего себя мучить. Главное — выманить его из города, а уж на дороге разберёмся.

Днём Лю Хэнчана снова привели в водный павильон. Лю Сюаньань только что закончил писать толстую стопку листов и разминал затекшее запястье.

— В тот день я проверял пульс Фэн Сяоцзиня. Хотя мне и не удалось определить корень его болезни, я кое-что понял о причинах и набросал подходящие рецепты. Объяснять на словах — долго и сложно, поэтому я всё изложил письменно. Прочти, если что-то будет непонятно — спроси.

Лю Хэнчан слушал, словно сказку, и на миг ему даже показалось, что в второго сына вселился дух его старшего брата. Он взял со стола листы и начал читать. С каждой страницей изумление его росло. Описанные там медицинские принципы были невероятно сложны, многое он и вовсе видел впервые. Это...

— Есть вопросы? — спросил Лян Шу, наблюдавший со стороны.

— Да... много, — выдохнул Лю Хэнчан, запнувшись.

Лю Сюаньань жестом предложил ему придвинуть стул и сесть.

Лю Хэнчан всё ещё чувствовал себя так, будто ходит по облакам. Лишь после того, как Лю Сюаньань разъяснил ему три-четыре самых трудных места, он постепенно пришёл в себя — или, вернее, вернулся с небес на землю. Он украдкой взглянул на Лян Шу и, увидев на его лице полное спокойствие, без тени удивления, наконец осознал: оказывается, второй сын и впрямь невероятно искусен. Видимо, истинные мастера не стремятся выставлять себя напоказ.

<http://bllate.org/book/16268/1464294>